

Боевое крещение на белорусской земле

УДК 94(476.7–25).1917

Михаил СМОЛЬЯНИНОВ,
кандидат исторических
наук, доцент

Михаил СМОЛЬЯНИНОВ. Боевое крещение на белорусской земле. В статье рассказывается о том, как в годину суровых испытаний представительницы слабого пола подставляли плечо мужчинам не только на трудовом фронте, но и на огневом рубеже. Такие случаи имели место и в годы Первой мировой войны. Наиболее яркий и показательный из них – формирование женских батальонов смерти. На основе архивных документов показано участие 1-го Петроградского женского батальона смерти под командованием прапорщика Марии Бочкарёвой в наступательной операции российских войск летом 1917 года на белорусской земле в районе д. Крево.

Ключевые слова: Первая мировая война, российский Западный фронт, сражения на белорусской земле, женский батальон смерти.

Mikhail SMOLYANINOV. Combat debut on Belarusian soil. The article tells about women who joined men not only on the labor front, but also on the firing line during the time of severe trials. Such cases were documented during the First World War. The most striking and illustrative of them were women's death battalions. Using archival documents, the article studies the participation of the 1st Petrograd women's death battalion under the command of Warrant Officer Maria Bochkareva in the offensive operation of Russian troops near the village of Krevo in Belarus in the summer of 1917.

Keywords: World War I, Russian Western Front, battles on Belarusian soil, women's death battalion.

Третий год Первой мировой войны завершался для Российской империи неудачей, с огромными территориальными, материальными и людскими потерями. В соответствии с военной конвенцией стран Антанты и под нажимом союзниц России по военному блоку (Англии и Франции) велась подготовка очередного наступления русской армии против австро-германских формирований. Войска российского Западного фронта на территории белорусских губерний в то время занимали позиции по линии Видзы – Постава – Сморгонь – Барановичи – Пинск. Корпусами 10-й армии этого фронта планировался прорыв фронта германских войск на 20-километровом участке от д. Шалудки (современная д. Светоч) в трех километрах южнее Сморгони до д. Геверишки – южнее Крево.

Формирование «частей смерти»

Для проведения наступательных действий командованием Западного фронта производилась перегруппировка подразделений и велись инженерные работы по оборудованию плацдармов, отрабатывались согласованные действия артиллерии и пехоты. Кроме того, особое внимание уделялось морально-политической подготовке армии накануне наступления. Для пропаганды ведения войны «до победного конца» в войска Западного фронта приехали и

[ОБ АВТОРЕ]

СМОЛЬЯНИНОВ Михаил Митрофанович.

Родился в 1940 году в д. Плоская Вершина Добринского района Липецкой области (Россия). В 1970 году окончил Минский государственный педагогический институт имени А.М. Горького (теперь Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка).

С 1970 года работает в Институте истории Национальной академии наук Беларуси, с 2016 года – ведущий научный сотрудник.

Кандидат исторических наук (1977), доцент (2010).

Автор семи монографий, около 125 научных статей, соавтор восьми книг.

Сфера научных интересов: история Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций в Беларуси.

выступили на организованных командованием митингах депутаты Государственной Думы, Петроградского и Минского советов, делегации Кронштадтского Совета, Черноморского флота и др. Накануне объявления приказа о переходе в наступление войска посетили Военный министр А.Ф. Керенский и Верховный главнокомандующий генерал А.А. Брусилов [1, с. 334–335].

Проводя агитационную работу, командование рассчитывало на успех. Однако как только вопрос о наступлении начал переходить из теоретической плоскости в практическую, стали проявляться сложности. Уже при восстановлении старых и строительстве новых укреплений и плацдармов имели место многочисленные массовые отказы солдат от работы, подготовка к наступлению не внушала им оптимизма [2, с. 123–124].

Для морального воздействия на военнослужащих, поднятия их упавшего боевого духа по почину, поддержанному Верховным главнокомандующим генералом А.А. Брусиловым, с апреля 1917 года началось создание «частей смерти». Главным назначением их был штурм особо укрепленных участков вражеской обороны, сопряженный с большими потерями. Очевидно, поэтому они и получили свое название. Кроме того, у личного состава таких формирований был своего рода девиз – «нежелание жить, если погибнет Россия» [3, с. 385].

Целью женских батальонов было морально-психологическое влияние на солдат. Инициатором создания Первого Петроградского батальона смерти стала Мария Леонтьевна Бочкарёва. По версии научно-популярных изданий, она была простой крестьянкой, из-за неудачного замужества принявшей решение поступить в действующую армию. Получив отказ от командира местного резервного батальона о зачислении в солдаты и отправке на фронт, Бочкарёва обратилась с телеграммой к императору Николаю II, прося разрешить ей послужить во славу Родины. Император одобрил решение и повелел зачислить ее в полк. После кратковременного обучения военному делу, весной 1915 года, Мария Бочкарёва в составе части была отправлена на фронт. Находясь на передовой линии, она проявила себя отважным воином, смело ходила в разведку, принимала участие в атаках, вытаскивала раненых с поля боя, несколько раз была ранена, но всегда возвращалась в строй. За проявленные усердие и отвагу в сражениях награждена Георгиевским крестом 4-й степени и двумя Георгиевскими медалями (3-й и 4-й степеней).

После Февральской революции Мария Бочкарёва встретилась с прибывшим на Западный фронт председателем Временного комитета Государственной думы М.В. Родзянко и выразила желание создать женский батальон смерти. По ее замыслу женщины-солдаты должны быть готовы погибнуть, если погибнет Россия.

Первый женский батальон смерти формировался в Петрограде и проходил обучение под командованием прапорщика Марии Бочкарёвой. 21 июля 1917 года в торжественной обстановке батальону было вручено знамя и состоялась отправка его на Западный фронт. В формировании насчитывалось около двухсот человек, в основном девушек в возрасте от 18 до 24 лет. До 30 % из их числа были курсистками, более 40 % имели среднее образование. Интересный факт: адъютантом батальона стала 18-летняя Мария Скрыдлова – дочь адмирала; старшим врачом – Мартынова, делопроизводителем – Посадская, казначейским каптенармусом – Левинсон. Кроме того, в архиве сохранились удостоверения и других женщин-добровольцев: Марии Покровской, Александры Гласовской, Антонины и Нины

Прапорщик М.Л. Бочкарёва,
командир женского батальона смерти

Шишкиных, Александры Фроловой, Марии Толстой, Антонины Беляевой, Антонины Мороко, Ксении Плахиной [4, л. 4, 17–23, 37, 40, 45, 48, 54, 58].

Следует сказать, что формированием женских батальонов в русской армии солдаты Западного фронта были задеты морально. Например, один из младших командиров 24-го Симбирского полка старший унтер-офицер И. Сорокун в последних числах июня в своем письме в Петроградский Совет сообщал, что солдаты (узнав из прессы о формировании таких батальонов и преждевременном заявлении о том, что «женщины покажут, как надо воевать») были возмущены и заявили: «Зачем заранее расхваливать? Пусть женщины сначала отличатся...». Сам же И. Сорокун завершил письмо словами: «Каково этим солдатам, перенесшим... много тягот, это слушать? Мы здесь сидим в сырых окопах и исполняем наш долг, зорко следим за неприятелем, а нас еще унижают, сравнивая с женщинами, которые еще ничего не видели» [5, л. 158–159].

К началу наступления на участке прорыва была сосредоточена крупная группировка российских войск, значительно превосходившая силы противника: 184 батальона и 788 артиллерийских орудий против 29 батальонов и 300 орудий неприятеля. Однако по количеству тяжелых орудий, самых мощных и разрушительных, русские уступали немцам более чем в 2 раза [6, с. 280]. Ударную группу российских войск составляли 38-й армейский, 1-й Сибирский и 2-й Кавказский корпуса. Им противостояли части 10-й и 12-й армий германцев, занимавших укрепленные позиции по линии Василевичи – Крево – Слайковщина – Бакшты – Делятичи – Малый Куписк.

Общее нанесение удара войсками 10-й армии планировалось в направлении Вильно. Войскам 3-й и 2-й армий Западного фронта была поставлена задача «всеми средствами содействовать наступлению 10-й армии и, по мере развития успеха, перейти в наступление в общем направлении на Вильно и Слоним» [7, л. 7].

Приказом Верховного главнокомандующего генерала А.А. Брусилова войскам Западного фронта предписывалось перейти в наступление не позднее 3 июля. Командующий 10-й армией генерал М.Н. Киселевский решил нанести основной удар по германцам в районе Сутьковского и Новоспасского лесов с дальнейшим развитием его в направлении между деревнями Глиная и Базары, для овладения линией Сола – Жупраны – Ошмяны – Граужишки [7, л. 7].

Однако успех наступления в большей степени зависел от настроения солдатских масс. Уставшие от трехлетней войны, недовольные крайне несправедливым распределением ее тягот между различными слоями общества, негибкостью правительственной политики, поддавшиеся пропаганде партий революционной демократии солдаты отказывались наступать. Это были целые полки и даже дивизии. Главнокомандующий Западным фронтом А.И. Деникин в связи с этим счел необходимым отвести в тыл и расформировать как наиболее неблагонадежные 2-й Кавказский корпус и 169-ю пехотную дивизию 1-го Сибирского корпуса. Заменившие их части 28-й и 29-й пехотных дивизий 20-го армейского корпуса заняли исходные позиции только под угрозой разоружения и расформирования.

Нежелание солдат воевать заставило командование фронта неоднократно переносить срок начала операции. Только 6 июля, когда движение вперед войск Юго-Западного фронта окончательно прекратилось, началась трехдневная артиллерийская подготовка перед наступлением на Западном фронте. Были серьезно разрушены укрепления противника в трех линиях обороны, сделаны проходы в проволочных заграждениях, подавлены огневые точки. После мощной артподготовки командование ожидало, что морально-боевой дух солдат повысится и что их продвижение вперед будет успешным. Однако настроение во многих частях ударных корпусов, по мнению командования, продолжало оставаться неустойчивым. В 29-й пехотной дивизии, в принудительном порядке занявшей исходные позиции, отказались наступать три полка; в 1-м Сибирском корпусе категорически отказался от наступления 62-й Сибирский полк [1, с. 340]. Несмотря на это, прибывший из Минска для личного наблюдения за наступлением генерал А.И. Деникин отдал приказ войскам 10-й армии 9 июля атаковать врага.

«Подавали пример доблести...»

Доставленный накануне из Петрограда в Молодечно 1-й Петроградский женский батальон смерти прикомандировали к 525-му Курюк-Даринскому полку 132-й пехотной дивизии 1-го Сибирского армейского корпуса и распределили (по 30–40 человек) в состав рот батальонов полка, находившегося в резерве. Еще 3 июля офицерами 525-го полка под руководством командира была произведена рекогносцировка предполагаемой полосы наступления частей

Женский батальон смерти. Фото К. Булла. 1917 год

1-го Сибирского корпуса в районе деревень Синьки, Гореняты, Сутьково, Крево. 7 июля полку было приказано в ночь на 8 июля перейти в д. Сивки для последующего занятия плацдармов, освободившихся после перешедших в наступление частей 2-й и 16-й Сибирских дивизий 1-го Сибирского корпуса [8, л. 1].

9 июля в 7 часов утра части 1-го Сибирского корпуса под прикрытием артиллерии перешли в наступление. В связи с этим из штаба 132-й пехотной дивизии в 7 часов 40 минут в 525-й Курюк-Даринский полк поступило «спешное приказание» – «начать движение в Гореняты, Сивки» для занятия освободившихся плацдармов. В пути следования полком был получен очередной приказ командующего дивизией «немедленно и возможно быстрее двигаться через д. Чаплеи на д. Саковичи, где поступить в распоряжение начальника 1-й Сибирской дивизии» [9, л. 36, 46].

По прибытию к месту назначения 525-й полк в 10 часов 20 минут получил приказание начальника 1-й Сибирской дивизии «поддержать сибирские части, занять западную опушку Новоспасского леса, закрепить позицию и упорно ее оборонять» [8, л. 1].

После постановки боевой задачи полк развернулся в боевой порядок. При этом согласно приказанию командира одного из батальонов, в составе отряда которого было 40 женщин-воинов, в первой цепи двигалась рота, «за ней женский отряд». Следуя в таком порядке, полк перешел через передовую линию русских окопов и, «несмотря на начавшийся заградительный огонь неприятельской артиллерии», продолжал движение и вступил в восточную опушку Новоспасского леса. «Пройдя некоторое расстояние, – писал в своем донесении командир 1-го батальона командиру 525-го полка, – мы все время встречали отдельные команды, дезорганизованные, напуганные... Подойдя к дороге на Глодово, мы неожиданно были обстреляны пулеметным огнем. Несмотря на частичное замешательство, благодаря принятым энергичным мерам успокоения и воодушевления, мы продолжали наступать, дойдя до назначенного пункта, где и окопались» [9, л. 72–73].

Следует сказать, что к этому времени части 1-го Сибирского корпуса, прорвав оборону противника, заняли три линии первой укрепленной полосы и захватили более 1400 пленных, но не удержались на этих позициях. Попав под сильный фланговый артиллерийский и пулеметный огонь неприятеля, многие стихийно стали отходить на исходные позиции. Поэтому направленный на поддержку сибирякам 525-й полк, в составе которого был Петроградский женский батальон смерти, достигнув западной опушки Новоспасского леса, не обнаружил «наших войск», как отмечал командир 1-го батальона, ни впереди, ни слева, ни справа. «Полк стоял совершенно изолированно, часто без связи... со штабом полка» [9, л. 73].

При занятии захваченной позиции, по словам одного из командиров рот, он, «очутившись в положении, когда каждый стрелок на счету, принужден был поставить их (женщин. – *Авт.*) в положение обыкновенных солдат, и они занимали места в окопах на интервалах в несколько шагов от других стрелков. Вели стрельбу энергично, не прятались... Некоторые же из них не только старались быть не хуже других, но подавали пример доблести... Когда вследствие паники стрелки бежали, Казабойм, Луид Екатерина, Прохорова, Ценарская Анна помогали угловорами остановить бегунов, вернуться к окопам и пойти в атаку, в каковой и сами участвовали». При этом у германцев были отобраны захваченные ими два пулемета 527-го полка и взяты еще два немецких. «По чести и совести, – писал командир, – признаю этих четырех женщин достойными награждения Крестами Святого Георгия 4-й степени» за безукоризненное выполнение обязанностей, участие в захвате и удержании линии, оказавшейся «прорывом» [9, л. 81].

Противник предпринимал активные попытки восстановить положение. За неполные двое суток он совершил 14 контратак, которые обороняющимися были отбиты с участием воинов-женщин. В частности, как было отмечено в одном из документов штаба 1-го Сибирского корпуса, в 5 часов утра 10 июля атака немцев «на юго-западную опушку Новоспасского леса была отбита при содействии женской команды смерти Бочкарёвой». После на этом участке до 16 часов «велась только незначительная стрельба» [10, л. 35].

Добровольцы женского батальона смерти кроме обороны занятой линии выполняли и другие поручения командования. Ходили в ночную разведку и полевой караул – Казабойм и Прохорова. Пятеро принимали участие в доставке патронов в окопы и в установлении связи «под сильным ружейно-пулеметным огнем противника», среди них – Евгения Анчурова (бывший с ней прапорщик Усович признавал, что он «особенно был поражен хладнокровием и мужеством Анчуровой»). Четыре девушки были назначены на место выбывших из строя по ранению санитаров. Одна, находясь при пулеметчиках, корректировала стрельбу, а при отступлении роты «настояла на том, чтобы пулеметчики с пулеметом остались на месте и продолжали поражать противника». Причем из-за обстрелов и контратак неприятеля они почти двое суток сражались без сна и отдыха, «без еды и питья». Сообщая в штаб полка о крайней усталости людей, о том, что «девчонки совсем ооченели», командиры подразделений просили смены или прислать «хотя бы хлеба» [8, л. 62, 64, 81, 82, 86].

В ходе сражения добровольцы женского батальона смерти несли потери. Во время артиллерийских обстрелов занятой позиции упавшим на бруствер окопа и разорвавшимся снарядом одна из девушек была убита и шесть – ранены. Была контужена командир Мария Бочкарёва, которую после того как она пришла в сознание, доставили в лазарет, а затем с диагнозом «общей контузии» эвакуировали на станцию Молодечно в 15-й госпиталь [9, л. 50, 67].

Находясь на излечении, М.Л. Бочкарёва в рапорте на имя командира 525-го Курюк-Даринского полка сообщала о той сложной и опасной ситуации, в которой они очутились, заняв западную опушку Новоспасского леса, и как сражались с противником... Неприятель сильно обстреливал. Солдат в окопах осталось очень мало. В разведку мужчины не пошли, пришлось пойти самой Бочкарёвой с командой из нескольких девушек. С наступлением темноты необходимо было выставлять секреты и дозоры, в которые солдаты (кроме троих) отказались идти (по их словам, «на верную смерть») – пришлось также пойти девушкам. Телефонной связи, помощи и смены не было, людей убивали все время. И Бочкарёва «очень довольна бодростью солдат», которые говорили начальнику: «Пока живы, не сдадимся неприятелю». В заключение она просила командира полка: «Не оставьте на произвол судьбы моих людей и при первой возможности возвратите их в полк» [9, л. 50].

Тем временем в середине дня 10 июля в штаб 1-й Сибирской дивизии поступило приказание командира корпуса: «Донести об участии в бою отряда Бочкарёвой, сообщить о потерях поименно. Отряд вывести из боевой линии и отправить в штаб корпуса в госп. двор Каскевичи, где он получит новое назначение» [10, л. 480]. Однако женский

Раненые бойцы женского батальона смерти в лазарете. 1917 год

батальон не был выведен из боевой линии тотчас. В тот же день начальник штаба 132-й пехотной дивизии, сообщая командиру 525-го Курюк-Даринского полка о том, что к штабу дивизии в Дабутишки прибыло только 20 человек женского отряда, которые будут размещены в д. Синьки, просил направить в Дабутишки «оставшихся в живых женщин отряда смерти... и весь их обоз и кухню» [9, л. 52].

Основная часть женского батальона продолжала сражаться в боевой линии. Поздним вечером 10 июля командир 2-го батальона капитан Баронин сообщал командиру 525-го Курюк-Даринского полка: «Часть батальона смерти под командой Бочкарёвой и полурота 8-й роты занимают прорыв между 4-м Сибирским и 527-м полками. С уходом батальона смерти образуется прорыв». Комбат просил «назначить часть для заполнения прорыва» [9, л. 13]. Очевидно, что женский батальон оставался на занятой позиции до смены 525-го полка под утро 11 июля частями 9-й пехотной дивизии и до его отхода в район д. Саковичи в дивизионный резерв.

Почти за двое суток 525-м Курюк-Даринским полком, в составе которого находился женский батальон Марии Бочкарёвой, было отбито 14 атак германцев, с большими потерями для неприятеля. Немалые потери понесли и защитники занятой позиции. Из сообщения в штаб корпуса начальника штаба 1-й Сибирской дивизии 10 июля во второй половине дня становится известно, что в четырех полках насчитывалось только 690 человек, в 525-м Курюк-Даринском полку – 600 человек, в женском батальоне – 190. Две женщины-воина были убиты, 33 ранены и контужены, две пропали без вести [10, л. 488; 11, с. 99]. Таким было их первое боевое крещение. Общую оценку действий женщин-воинов в сражении в районе Крево можно охарактеризовать словами одного из командиров, в роте которого были 30 человек из женского батальона смерти: «показали пример храбрости, мужества и спокойствия. Несмотря на сильный огонь противника, они оставались на своих постах и несли службу наравне с солдатами... Своей работой [бойцы] женской команды показали, что звание воина русской революционной армии им присуще» [9, л. 4].

Дальнейшая судьба женских батальонов

Следует сказать, что формирование женских отрядов шло по всей стране, в том числе в Москве и Минске. Стремление женщин помочь фронту было настолько велико, что Верховный главнокомандующий издал приказ от 14 августа 1917 года – прекратить формирование частей чисто боевого назначения из женщин-добровольцев, а уже существующие оставить пока на фронте и использовать для охраны дорог; в будущем создавать из них команды

вспомогательного назначения (службы связи, для охраны железных дорог, для комплектования санитарных отрядов). Этот приказ патриотического почину у женщин не убавил. В конце лета – начале осени 1917 года женские команды вспомогательного назначения активно формировались. Например, в августе в Минске из добровольно пришедших на фронт женщин создали караульную роту для несения службы в тылу. Последним боевым подразделением Западного фронта, укомплектованным женщинами, был сводный отряд численностью 420 человек, сформированный на базе 2-го Московского женского батальона, который до ноября 1917 года нес службу по охране железных дорог фронта [3, с. 390].

После отвода с линии фронта в районе Крево 1-й Петроградский женский батальон смерти был отправлен под Петроград в район станции Левашёво и по состоянию на август 1917 года дислоцировался вблизи «имения княгини Вяземской». В это время подразделение пополнялось личным составом. В частности, в конце июля Екатеринославским уездным воинским начальником туда были направлены 59 женщин-добровольцев. В октябре 1917 года в батальоне насчитывалось 1168 женщин-рядовых, которые несли службу по охране военных объектов и железнодорожных коммуникаций [4, л. 67; 12, л. 3].

После победы Великой Октябрьской революции и установления советской власти, с выходом Советской России из Первой мировой войны личный состав женских формирований демобилизовался на общих основаниях в соответствии с Декретом Совнаркома от 10 ноября 1917 года о постепенном сокращении численности армии. В частности, в 1-м Петроградском женском батальоне смерти, судя по числу состоявших на довольствии женщин-воинов, демобилизация проводилась с ноября 1917-го до середины января 1918 года. Так, если в конце октября 1917 года в батальоне числилось 1168 женщин-рядовых, то к концу ноября – 259 человек, а в последних числах декабря – только шестеро и убыло 240 воинов [12, л. 13–14]. В рапорте командира батальона от 18 января 1918 года было отмечено, что «батальон распущен» [13, л. 1].

Подводя итоги, хочется отметить, что исход наступательной операции зависел не только от солдат, которые не хотели воевать (о чем генералам было известно в ходе подготовки наступления). Провал операции произошел и из-за просчетов командования. Несмотря на неуверенность в успехе, оно приняло решение осуществить наступление в интересах союзников и чтобы «отвлечь войска от политических увлечений». В ходе артподготовки атаки генералы не учли тактики неприятеля – отводить войска с оборонительной линии в воздвигнутые железобетонные укрытия. Кроме того, в ходе артиллерийской подготовки перед атакой не все огневые точки противника были подавлены. В результате атакующие, заняв неприятельские позиции, очутились в «огневом мешке» и были обстреляны с флангов пулеметным, а с фронта – артиллерийским огнем. Более того, из-за нарушенной телефонной связи с расчетами артиллерийских батарей, назначенных в поддержку, атакующие попали под обстрел своей же артиллерии. Об этом неоднократно с тревогой сообщали в штаб 525-го полка командиры подразделений. Например, командир 1-го батальона докладывал о том, что во время наступления «наша артиллерия помешала развить успех батальона», который «готов был стремительно преследовать убежавшего неприятеля». Из донесения командира 3-го батальона следует, что «роты в общем порыве двинулись вперед по пятам противника, но завеса нашего артиллерийского огня, не перенесенного далее, не дала возможности преследовать» [9, л. 16, 38].

Даже находясь в окопах, подразделения 525-го полка продолжали обстреливаться не только неприятелем, но и своей артиллерией, о чем командиры сообщали в штаб полка в своих донесениях. «Люди окопались, но несут потери как от пулеметного с флангов, так, главное, от неприятельского и своего артиллерийского огня. Состояние у солдат страшно нервное. Неоднократно то одна, то другая рота не выдерживали и приходилось упрашивать вернуться назад в окопы», – сообщал командир 2-го батальона. Командир 1-го батальона сигнализировал о том, что «наша артиллерия то и дело бьет по нашим окопам, нанося потери...». Командир 3-го батальона доносил: «Наша артиллерия сейчас бьет по нашему расположению, что совсем волнует и так обеспокоенных солдат» [9, л. 16, 26]. Они просили прекратить артиллерийский огонь или сместить его вперед.

Командиры также настаивали на установлении телефонной связи с артиллерийскими расчетами. Так, командир 1-го батальона подпоручик Иванов обратился к начальнику команды связи с просьбой «принять самые энергичные меры для восстановления связи», так как, по его словам, он с трудом удерживал в окопах «два батальона (свой и 2-й) из-за обстрела российской артиллерии. «Так дальше оставаться не может. Спешите», – просил он. Командир 3-го батальона капитан Баронин требовал «как можно скорее установить связь», так как «наша артиллерия делает недолет, бьет по правому флангу 1-го батальона и левому 3-го» [9, л. 12, 22].

Следует сказать, что несмотря на все сложности и недостатки в наступательной операции и упорство неприятеля, благодаря своей стойкости и мужеству командиры смогли удержать и организовать личный состав для обороны занятой позиции на западной опушке Новоспасского леса. Хладнокровие, распорядительность и личную храбрость, воодушевлявших солдат на самоотверженность и удержание позиций, неоднократное отражение атак германцев, командование отмечало у поручиков Иванова, Щербакова, подпоручиков Ковальчука, Тарноградского, Медведкина и Смирнова, прапорщиков Бокарёва, Бочкарёвой, Николаева, Кормякова, Чернова-Сергеева, Усовича, Вализера и Яковенко [9, л. 62–64, 65–67]. Их кандидатуры по распоряжению командира 1-го Сибирского корпуса были представлены для «опубликования» и к наградам. В частности, прапорщика Бочкарёву представляли для награждения Георгиевским оружием. Однако удостоена она была присвоением воинского чина «подпоручик» [3, с. 400].

Прошло 105 лет со времени сражения Первого женского батальона смерти на белорусской земле. Долгое время этот эпизод, свидетельствующий о мужестве и стойкости женщин-воинов, оставался малоизвестным. Сегодня, в Год исторической памяти, мы написали о нем, чтобы почтить память и отдать дань уважения подвигу славных защитниц Отечества.

Использованы иллюстрации из книги Беявина, В.Н. Беларусь в годы Первой мировой войны. – Минск: Беларусь, 2013. – 398 с. – (Белорусская история).

Статья поступила в редакцию 04.02.2022 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Смольянинов, М.М. Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. / М.М. Смольянинов. – 3-е изд. – Минск: Беларуская навука, 2020. – 493 с.
2. Смольянинов, М.М. Революционное сознание солдат Западного фронта в 1917 г. / М.М. Смольянинов. – Минск: Навука і тэхніка, 1991. – 264 с.
3. Бондаренко, В.В. Утерянные победы Российской империи / В.В. Бондаренко. – Минск: Харвест, 2010. – 448 с.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 16173. Оп. 1. Д. 7.
5. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 6978. Оп. 1. Д. 519.
6. Степанов, Д.Н. Июльское наступление русской армии на участке Сморгонь – Крево (1917) / Д.Н. Степанов // Крэва: гісторыя, археалогія, культурная спадчына: зборнік навуковых артыкулаў / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут гісторыі; укладальнік, навуковы рэдактар А.І. Дзярновіч; рэдкалегія: В.В. Даніловіч (галоўны рэдактар) [і інш.]. – Минск, 2020. – С. 275–290.
7. РГВИА. – Ф. 2277. Оп. 1. Д. 101.
8. РГВИА. – Ф. 3058. Оп. 1. Д. 11.
9. РГВИА. – Ф. 3058. Оп. 1. Д. 8.
10. РГВИА. – Ф. 2277. Оп. 1. Д. 103.
11. Лигута, В.Н. У Сморгони под знаком Святого Георгия / В.Н. Лигута. – Минск: Изд. В. Хурсик, 2010. – 336 с.
12. РГВИА. – Ф. 16173. Оп. 1. Д. 6.
13. РГВИА. – Ф. 16173. Оп. 1. Д. 9.